

ЧТО ЖЕ ТАКОЕ — «ОТКРОВЕННАЯ ЭСТРАДА»?

СТАРЫЕ актеры говорили так: «Что мне ваши декорации и режиссеры! Где я стою — там и театр». Была такая поза. И такая правда. Великие актеры приносили с собой на сцену великую жизнь, и она открывалась зрителям даже в чепуховом водевиле. Пошлаки и невежды приносили пошлость и невежество, и это тоже было как на ладони, и уж никакой «Гамлет» не спасал.

Речь идет, конечно, об искренности, о внутреннем мире художника, о его отношении к жизни. Но мы знаем случаи, когда искренность оскорбляет, а внутренний мир раскрывается во всей своей пустоте.

Откровенность таланта... Пошлость тоже откровенна. К тому же ей неведомы сомнения и стеснительность. Радость жизни, когда она сложна и многообразна, не так-то просто, к этому приходят через раздумье, труд и подвиг. А радоваться жизни, упрощая ее до примитива, — самое разлюбленное дело. «Эчеленца, прикажите, аппетит наш невелик...» Таланты, как известно, бывают разные, и с ними часто трудно. Но именно потому, что они есть, что они разные, что с ними трудно, — именно поэтому жизнь хороша и жить хорошо. Встреча с талантом делает оптимистом. Пошлаки же жизнерадостны всегда — жалко им, что ли? — и это повергает в уныние.

Но это не просто: ~~эт~~, мол, талант, а вот пошлак. Это скорее сосуществование двух тенденций внутри одного жанра, одной манеры, даже одной индивидуальности. Иногда, к сожалению, довольно мирное сосуществование, но миром тут не кончается.

Происходят интересные вещи — я говорю об эстраде: самым новаторским и прогрессивным стало «идти на поводу у публики». Вот такая образовалась публика: умная и взыскательная. Она смотрит на человека, стоящего перед ней на ярко освещенной сцене «без декораций и режиссеров», и не просто ждет, что он такое покажет, а буквально вытягивает из него все его артистические и человеческие ресурсы. Ей предлагают «тщательно продуманный репертуар» — нет, не проходит, ей этого мало.

Предлагают «условность, коренящуюся в природе жанра», — нет, не то, не проходит. Предлагают «изысканную современную форму» — ну, а дальше что? Предлагают «актуальную тематику» — а мы что, сами газет не читаем? Глаза, обращенные к артисту, впиваются в него, зовут, манят — еще, еще, ближе, ближе, покажи нам, что в тебе происходит, какое душевное движение подтолкнуло тебя к этому репертуару, к этой форме, к этой теме. Отправляясь сюда, мы выключили дома радио, не досмотрели телевизионную передачу, уступили соседу билет в кино, вернули в библиотеку книгу — и сейчас нам нужен контакт с человеком, а не просто с репертуаром.

«Где я стою — там и театр» ★ Природа жанра. А художественная честность? ★ Публика и эстрадный актер.

В этот момент и отделяется правда от лжи. Нечестность, пошлость, пустота, спекуляция и всякого рода подделка распознаются обычным человеческим чутьем в этот момент контакта. Как в жизни. Без всякой условной вежливости, «коренящейся в природе жанра».

Вы только посмотрите, кто сейчас пользуется наибольшим (и наиболее устойчивым) успехом на эстраде. Петр Муравский и Майя Кристалинская, ансамбль «Дружба» и Людмила Зыкина, Махмуд Эсамбаев и Кира Смирнова, А. Лившиц и А. Левенбук; про Райкина и Миронову говорить не приходится, это само собой; а из распавшегося дуэта Рудаков — Нечаев лучше проходит Рудаков (в паре с Борисом Баринновым). А это значит, что выше всего ценится сегодня подлинность чувства, толкающего артиста на эстраду. И художественная честность, при которой «манера» артиста рождается из его естественных индивидуальных устремлений, а не из холодного «овладения мастерством». Уж на что традиционен Муравский, которого помнят чуть ли не наши бабушки, уж на что экзотичен и театрален Эсамбаев, а их контакт с публикой безусловен, и доверие к ним полное. Трудно объяснить, из чего видно, что они «не могут иначе», но это видно.

Или вот Зыкина. Так называемая «русская манера». Зыкина вся, можно сказать, полна этой «манерой», это не найдено ею где-то на стороне, а услышано в себе, в собственной душе. И поэтому так легко и просто спела Зыкина в последней программе сада «Эрмитаж» песню из фильма «Течет Волга». Спела совсем иначе — то есть не «совсем», а настолько иначе, насколько отличается эта песня от других вещей ее репертуара. Многочисленные же подражательницы Зыкиной «манеры» имеют ту же, а индивидуальности никакой, и когда им аплодируют — это аплодируют не им, а «манере». В результате Людмила Зыкина, оставаясь всегда собой, будет двигаться вперед и меняться вместе с современной эстрадой и с современной публикой, а ее подражательницы, на первый взгляд способные усвоить любую моду скорее, чем Зыкина, они-то как раз и устареют, как только устареет «манера».

Публика, конечно, и раньше производила отбор, это было всегда. Но, пожалуй, никогда не чувствовалось в этом отборе такой бескомпромиссной требовательности. Срываются все и всяческие маски. Зрительный зал стал моложе — не по возрасту, нет (билеты на эстрадные концерты слишком дороги для студентов, например), а по духу... От этой публики отстал Михаил Гаркави, у него нет своей темы, его тепло встречают и холодно провозжают, и похоже, он уже не понимает, в чем, собственно, дело, что происходит. От этой публики отстал и молодой, только еще начинающий куплетист Михаил Ножкин, которому аплодируют за его танцы, а он, кажется, думает,

что кто-то в зале оценил его самодельную «сатиру» — грубые и примитивные тексты, сочиненные им самим вместо того, чтобы обратиться к подходящему автору. От этой публики постепенно отстает «сам» Илья Набатов: его обличения становятся все менее гражданственными и все более механическими, а время сейчас такое, что публика острее реагирует на международные ситуации, чем на то, что поет по этому поводу Набатов. Отставал, но в этом сезоне начал «нагонять» публику Эмиль Радов, которому его разносторонние способности долго мешали сосредоточиться, и лишь теперь он сумел свести их для выполнения единой творческой задачи. Может быть, его подстегнул январский случай с Борисом Бруновым?

Случай этот уже описан. В дни студенческих каникул во Дворце спорта было организовано выступление поэтов. И пришла та публика, которой интересно слушать поэтов. На эстрадных концертах такая публика растворена среди всякой другой, в том числе и такой, которой интересно все, что покажут, и поэтому все одинаково безразлично. А здесь, во Дворце спорта, были только люди, которые пришли слушать поэтов. Они выступали в первом отделении. А во втором был дан эстрадный концерт. И вот к этой публике вышел Борис Брунов, профессиональный конференсье, и с профессиональным апломбом, с выражением абсолютной уверенности в каждом мгновении своего профессионального существования, начал излагать свой конференсье. За четверть часа до этого взволнованные люди, запинаясь, страстно и неумело, то не зная, куда эти руки девать, читали с этой эстрады свои стихи, в которых вся их жизнь, — и вот сейчас через тот же микрофон раздавался бодрый и жизнерадостный голос: «Это напомнило мне случай, происшедший в одном детском саду...» — в десятый, сотый или тысячный раз гремела выученная наизусть «юмореска». Четверть часа назад каждое слово с эстрады требовало внимания, мысли, сочувствия. Сейчас каждое слово, каждая интонация конференсье, сама его уверенность — все кричало: брось, чего там, думают индюки, а ты отдохни. Несколько тысяч интеллигентных, отзывчивых и насмешливых людей одновременно почувствовали, что из них делают дураков. И они... начали глушить конференсье. Глушить аплодисментами. Это была самая бурная овация в творческой биографии Бориса Брунова, но говорить ему не дали.

Кто-то потом рассудил: — Ну, а что вы хотите? Сначала была поэзия, и вдруг началась откровенная эстрада.

Чепуха. Откровенная эстрада — это Аркадий Райкин. Это Виль Окунг из ансамбля «Дружба», когда он поет «Балладу о солдате». Это «Еврейский портняжка» у чеченского танцора Эсамбаева. Это ошеломляющий жонглер Михаил Мешеряков (сейчас он в программе «С доброй улыбкой»). Это Владимир Татосов и Евгения Рубановская, театральные актеры, играющие рассказ Альберто Моравиа «Замухрышка». Это балалаечник Михаил Рожков, пребывание которого на эстраде само по себе — произведение русского народного творчества, независимо даже от балалайки. Это нетерпеливая усмешливость Павла Рудакова и Бориса Бариннова. Откровенная эстрада — это поэзия, героика, фарс, лирика и публицистика самого высокого эмоционального накала и в самом правдивом человеческом выражении.

Развлечение. Развлекаться приходят люди, которые перед этим работали, делая все то, что делается сегодня в мире. Их духовный и интеллектуальный уровень выражается во всем, что нас окружает. Их гражданские и человеческие требования не снижаются на эстрадных концертах.

А когда их пытаются снизить, они знают, как на это реагировать.

Откровенно.

А. АСАРКАН.

А что вы думаете о современной эстраде? Редакция ждет ваших писем.